

Источник: Таганрогская правда
Дата выпуска: 28.03.1998
Номер выпуска: 82
Заглавие: Требовательный режиссер
Автор: В. Глушко

28 марта - премьера в театре им. А.П. Чехова

В мемориальном Чеховском театре режиссер из Воронежа, лауреат премии К. С. Станиславского Михаил БЫЧКОВ ставит спектакль "Скрипка Ротшильда" по рассказу Чехова. Бычков - один из самых интересных и перспективных российских режиссеров, человек необыкновенной творческой судьбы, личность, художник удивительной обнаженной духовности.

Ни в детстве, ни в юности Михаил Владимирович о театре не думал - учился в Краснодаре, откуда родом, сначала в художественной школе, потом в художественном училище, но уже на театральном отделении, в училище был Студенческий театр, в котором он участвовал. Именно оттуда началось серьезное увлечение театром.

- При поступлении в ГИТИС, - рассказывает режиссер, - я не отличал Гончарова от Туманова, поэтому считаю счастливой случайностью, что когда передо мною встал выбор - учиться ли на курсе у Б. Равенских или у Марии Осиповны Кнебель, я выбрал последнюю. (Кнебель - выдающийся российский режиссер и педагог, воспитавшая целую плеяду ведущих режиссеров страны).

После ГИТИСа я служил в Лиенапе в Театре Балтийского флота, где одновременно был режиссером, актером и матросом. Уже в то время у меня появилось желание стать главным режиссером, о чем я впоследствии и заявил в Министерстве культуры. Меня направили в Барнаул, где я был назначен главным режиссером Алтайского ТЮЗа.

В 1985 году я ставил спектакль "Прости меня" Астафьева, и за неделю до пленума ЦК КПСС, где Горбачев объявил перестройку, я по идеологическим разногласиям с местным крайкомом оказался без работы, практически с "волчьим билетом". Меня, опального, с молодой семьей приютил главный режиссер Иркутского ТЮЗа Вячеслав Кокорин. Там в 1988 году я поставил "Гамлета". Но уже с этого же года я возглавил Воронежский ТЮЗ, где и проработал семь лет.

- Что же случилось с тех пор, как на 1-м Международном Чеховском фестивале в мае 1993 вы представили в Таганроге "Скрипку Ротшильда" и "Каштанку", покоровшие всех участников фестиваля, почему вы покинули ТЮЗ, ведь, кажется, и место хлебное, и свобода относительная была?

- Почему ушел? Да, пожаловаться как будто бы не на что было. С театром я объехал много стран, участвовал в фестивалях в Москве, Ялте, Липецке. И все же ушел, потому что хотел полной свободы, еще большей творческой самостоятельности, которая ограничивалась фигурой директора, статусом театра, неизбежностью искать зрителя, чтобы заполнить довольно большой зал, необходимостью обеспечивать работой и заработком большой коллектив. Я чувствовал себя главным инженером на предприятии. Это отвлекало от творческого самовыражения.

В ТЮЗе я работал на двух сценах - большой и малой. И именно в небольшом пространстве малой сцены я ощущал более высокую энергетику зримо, напряженно. Там моя эстетика трансформировалась и складывалась заново, и внешний антураж приобретал все меньшее значение. Я понял, что через актера можно выразить все. Это были предпосылки для создания камерного театра, который я и организовал после ухода из ТЮЗа.

- Что из Чехова вы ставили, кроме "Каштанки" и "Скрипки"?
- "Палату № 6" дважды, "Предложение", "Медведь" - тоже дважды.
- Какими духовными проблемами вы мучаетесь, есть ли у вас идеи, к которым вы об-

ращаетесь постоянно или время от времени?

- У каждого человека в определенные периоды жизни возникают вопросы не абстрактно, а естественно, в процессе открытия мира: любовь, есть ли она и что она среди других ценностей, к примеру. А мои размышления воплощаются на сцене, в искусстве. Есть вопросы вечные и непреходящие, ими болеешь, на них ищешь ответ. А абстрактно я не склонен к философии. Мои размышления преломляются в Гамлете, Дон Кихоте, Каине, докторе Рагине.

- Какие проблемы вы решаете в "Скрипке Ротшильда"?

- Вопросы жизни и смерти. Задумываться над этими вопросами, на мой взгляд, - значит решать проблему, как прожил жизнь.

- Да, неожиданно уловила, что Николай Островский в своем знаменитом романе перефразировал Антона Павловича.

- Да, разница в том, что Чехов задается вопросом, почему жизнь такая, а Островский рассказывает, как надо жить, дает рекомендации. У меня за плечами 50 спектаклей, я тоже думаю - ради чего живешь? Кто-то сколотил в наше время сказочное состояние, кто-то живет в других странах. К примеру, известный господин Гусинский, наш однокурсник по ГИТИСу, бездарный творчески, в то время предмет насмешек, человек невзрачный, ныне вышел вперед на историческую арену, оказался талантливым бизнесменом. Я прожил жизнь в провинции, я выбрал ее сознательно. У меня был выбор - жить в столице, а это значит или быть на подхвате, или долго ждать своего звездного часа, а дождешься ли? Я хотел много ставить, реализовать себя. Очень часто возникает чувство, что жизнь позади, и невольно напрашивается вопрос: на какую жизнь еще хватит сил? И как потратить остаток жизни? И о том, о чем Яков у Чехова задумался в 70 лет, я задумался в 40.

- Михаил Владимирович, почти все актеры отмечают вашу жесткость в работе, как момент положительной требовательности.

- Хочется, чтобы точно был воплощен замысел.

- Вы готовитесь ставить в Краснодарском молодежном театре, где главным режиссером работает таганрожец Владимир Рогульченко, "Над пропастью во ржи" Сэлинджера. Расскажите немного об этом.

- Володя предложил мне поставить "Каштанку", а я заколебался, т.к. у себя ставил с актерами, которые говорили со мной на одном языке после нескольких лет совместной работы. Это не так просто, а в Краснодаре труппа молодая, разношерстная. "Каштанка" требует развитого чувства формы. А собирать актеров в ансамбль - работа кропотливая и длительная. "Над пропастью во ржи" - мое предложение Я ставил спектакль по этому роману в Воронеже лет 10 назад. Я его забыл, не сохранилось никаких материальных свидетельств, в памяти осталась красивая музыка и ощущение, «то материал приносит удовольствие.

- Да, это, конечно, ваша тема, т.н. главный герой повести близок вам по главным факторам ненависти ко лжи, полной бескомпромиссности и творческого видения жизни. Хотелось бы посмотреть ваши спектакли.

- Пожалуйста, милости просим: Воронеж. Камерный театр.

Артисты - "брошенные дети"

Театральные диалоги с участниками
спектакля "Скрипка Ротшильда"
в постановке Михаила Бычкова

- Как вам работается с Бычковым?

Зоя Пухлякова:

- Противный! Профессионал высочайшего класса, точно знает, чего хочет. Если врет мизинец, останавливает работу. Счастье, что я попала к нему. Рада, что у меня замечательный партнер Борис Чибирев. После Хлудова в "Беге" и Семена в "Самоубийце" прошло уже два года, и за это время в "Скрипке" у него наконец настоящая работа.

На площадке царит профессиональная атмосфера, которую создают и Василий Егельский, и Анатолий Феденко, и Александр Черенков.

Одним словом, масса восклицательных знаков. Я, как школьница, каждый день. Подчиняюсь его требовательности безоглядно, мы ведь артисты бесхозные, а нам нужен хозяин.

Заслуженный артист России Анатолий Феденко:

- Мне приятно, что Михаил Владимирович высказался в прессе о том, что он выбрал в работу нас и что он считает нас чеховскими артистами.

Василий Егельский:

- Такого ритма, какой задал Бычков в работе, я не помню со времен работы с Урбановичем. У меня ощущение такое, что мы, как брошенные дети, неожиданно попали в хороший дом и обучаемся благородным манерам. Что отличает, на мой взгляд, Бычкова от других режиссеров - его ответственность за судьбу спектакля и актеров, ему не все равно, с кем он работает. Пусть меня простят другие режиссеры, у них масса иных достоинств.

Хочется, чтобы наш театр радовали такие режиссеры своим присутствием, от этого во многом зависит престиж театра и состояние актерской формы.

Александр Черенков:

- Встреча с известным в России и за рубежом режиссером Бычковым принесла если не полный восторг, то очень большое удовлетворение. Михаил Владимирович - человек, тонко понимающий юмор, умеет оценить и шутку актера, тем не менее бывает тверд и требователен. Он интеллигентный режиссер, при его жесткой требовательности мы не услышали ни одного окрика, ни одного грубого слова. Для актера в его зависимой профессии это очень ценное качество.

Борис Чибирев:

- Работу оценивать рано, оценят зрители, может быть, критики подъедут.

Для меня необычна форма предложенного спектакля, начиная с картин Марка Шагала, по мотивам которого выстроена пластика, и кончая лубочными танцами, мы, кстати, не каждый день танцуем, поэтому есть момент растренированности, который необходимо преодолевать. Тем не менее в данный момент мы подтянулись и танцуем. Ну посмотрите, как это у нас выходит.

Мне нравится всегда что-то новое, необычное. Конечно, Бычков предлагает сложную форму для выражения характера, но именно это мне и нравится.

Это режиссер жесткий, требующий максимального приближения актера к замыслу. Приятно в этом покувыркаться.

А как выйдет - народ подскажет.